

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Баймаган

Легенда.

Содержание

#1	0004
I	0005
II	0008
III	0012
IV	0015
V	0018
VI	0021
VII	0024
VIII	0027
IX	0030

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Баймаган

По времени написания легенда «Баймаган» является первой. В 1886 году Мамин-Сибиряк представил «Баймаган» для публичного чтения в «Общество любителей российской словесности» в связи с избранием его в члены этого общества. Впервые же легенда была напечатана лишь в 1891 году, в сборнике «Общества любителей российской словесности».

Печатается по отдельному изданию 1898 года, Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Легенды», с исправлением погрешностей текста по рукописи-автографу, хранящейся в Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, и первопечатному тексту.

«Хороша киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось над ней бездонным куполом, хороши звездные степные ночи, но лучше всего новый кош [Кош – круглая киргизская палатка из войлока. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)] старого Хайбибулы, в котором он живет вместе со своей старухой Ужиной и молоденькой дочкой Гольдзейн». Так думает молодой Баймаган, работник Хайбибулы, думает и поет:

В небе звезды,
И в коше Хайбибулы звезды...
Там и ночью светит солнце!
А в голове Баймагана,
Мысли, как птицы.

– У меня много-много мыслей, и все они, как степной ковыль, гнутся в одну сторону, – говорил Баймаган, когда они вместе с другим работником Урмугузом пасли косяк кобылиц. – У Хайбибулы всего много... Старая лисица катается как сыр в масле, а я ничего не

возьму за свои мысли, Урмугуз.

– Дурак ты, Баймаган... – лениво отвечает Урмугуз, покачиваясь на высоком киргизском седле. – Какие мысли могут быть у таких бедняков, как мы с тобой?.. Ты глуп, Баймаган, а Хайбибула умен... У Хайбибулы двести лошадей ходит в степи, у Хайбибулы пять лучших иноходцев, у Хайбибулы новый кош, целый сундук с деньгами и красавица дочь. У бедных людей должна быть одна мысль: не лечь голодным спать.

Обидно Баймагану слушать такие слова своего приятеля, который никогда ни о чем не думает, точно киргизский баран. Да, Баймаган – бедняк, но это не мешает ему видеть и слышать то, чего не видит один Урмугуз.

У Баймагана каждый раз дрогнет сердце, как подстреленная птица, когда он вечером с косяком кобылиц возвращается к кошам. Издали эти коши точно потерянные в степи шапки, одна большая и две маленьких. Из большой в холодные ночи весело поднимается синий дымок – это старая Ужина вечно что-нибудь стряпает, чтобы угодить мужу. Вот около этого огонька в коше старой лиси-

цы Хайбибулы и бьется молодое сердце бедняка Баймагана, потому что вместе с дымом по вечерам из коша несется песня красавицы Гольдзейн.

У Хайбибулы новый кош, который стоит рублей пятьсот, – он из лучших белых кошм, а внутри по стенам развешаны дорогие бухарские ковры. Тут же стоят сундуки, набитые всяким добром – рубахами, бешметами, халатами. У Гольдзейн свой сундук, весь обитый белой жостью, точно серебряный; в нем копится приданое для того счастливца, которому достанется Гольдзейн.

– Кто даст калым в сто лошадей и пятьсот рублей деньгами, тому и отдам Гольдзейн, – хвастается Хайбибула, когда с гостями напьется кумыса. – Будь хоть без головы жених, мне все равно... Сто лошадей и пятьсот рублей деньгами.

Пьяный Хайбибула непременно бранится с женой и каждый раз повторяет:

– Ты мне надоела, Ужина... Вот получу калым за Гольдзейн и прямо с деньгами поеду под Семипалатинск: там в кошах живут два брата, Кошгильда и Яшгильда, богатые киргизы, и у обоих по молоденькой дочери. Которую хочу, ту и возьму, а тебе, старой кляче,

пора отдохнуть.

Когда Гольдзейн весело распевает свои песни, старая Ужина горько плачет, потому что Хайбибула непременно женится на молодой и сживет ее, Ужину, со свету. Он уже двух жен в гроб заколотил, а она – третья, и ее заколотит. Старый волк любит молодую козлятину, и погубить человека ему ничего не стоит, а все считают его хорошим, ласковым мужем.

«Лучше уж мне самой умереть...» – думает Ужина, думает и плачет, вспоминая молодое время, когда щеки у ней были румяные, глаза светились, сама была толстая да белая и когда Хайбибула говорил ей льстивые, ласковые речи.

Скоро износилась красота Ужины. Бессонные ночи, работа, дети и мужнины побои развеяли по ветру девичью красоту, а Хайбибула ее же попрекает дорогим калымом.

Никто не жалеет старухи, а Гольдзейн нарочно отвертывается, чтобы не видать слез матери. Глупая девка только и думает, чтобы поскорее выскочить замуж за богатого жениха, а родная мать ей хуже чужой.

Как-то пьяный Хайбибула сильно избил Ужину, и она едва вырвалась от него. Убежала и спряталась за кошем. Ночь была темная, а на душе Ужины было еще темнее. Стала она просить себе смерти, потому что никому-никому, ни одному человеку не жаль ее.

– Эй, Ужина, не плачь... – прошептал над самым ухом старухи знакомый голос.

– Это ты, Баймаган?

– Я... Я все вижу и знаю. Погоди, вот женюсь на Гольдзейн, тогда и тебя возьму к себе. Славно заживем...

– Да ты с ума сошел?.. У тебя ничего нет...

– Э, погоди, все будет... Старая лисица Хайбибула сам будет ухаживать за мной... Вот я какой человек, Ужина!

Это ласковое слово глупого парня согрело душу Ужины, как солнечный луч, и ей сделалось жаль Баймагана: аллах велик, у аллаха всего много, что стоит аллаху бросить росинку счастья на Баймагана? Все может быть...

– Слушай, Баймаган, никогда-никогда не женись на Гольдзейн, – шептала старая Ужина, – в ней волчья кровь... Женись лучше на Макен: вот мой совет за твое доброе слово по-

забытой всеми старухе.

Около коша Хайбибулы в стороне стояли два старых, дырявых коша, в которых жили пастухи и работники. В одном жил кривой пастух Газиз с дочерью Макен, а в другом – Баймаган с Урмугузом. Очень бедно было в коше Газиза, а у Баймагана с Урмугузом совсем ничего не было, кроме хозяйских седел да разной сбруи. Спали оба работника на лошадиных потниках. Сквозь прогоревшие кошмы пекло солнце и лился дождь, точно аллах хотел каждый день испытывать терпение молодых пастухов.

Все хозяйство Газиза вела Макен, и она же постоянно помогала старой Ужине, точно работница, хотя скупой Хайбибула не платил ей ни гроша, разве когда подарит ей обноски после Гольдзейн. Макен работала, как лошадь, и ходила чуть не в лохмотьях. За работой она пела такие печальные песни и каждый раз смолкала, когда мимо проходил Баймаган.

– Он хороший человек, – говорила Ужина, не называя Баймагана по имени.

– Хорош, да не для меня... – отвечала Макен

и тяжело вздыхала.

Аллах мудроно устраивает человеческие дела: Урмугуз любил Макен, Макен любила Баймагана, а Баймаган любил гордую Гольдзейн. Баранчуками [Баранчук – ребенок, дитя. (Прим Д. Н. Мамина-Сибиряка.)] они все росли вместе, а потом вышло вон что. Старый Газиз видел все это, но молчал, потому что аллах велик и знает лучше нас, как и что делать. Урмугуз думал про себя, что Макен первая красавица во всей киргизской степи и что Гольдзейн приворожила глупого Баймагана своими песнями и богатыми нарядами. В праздники Гольдзейн всегда щеголяла в шелковом полосатом бешмете, заплетала свои черные волосы в мелкие косички, в уши надевала дорогие, тяжелые серьги, а всю грудь увешивала серебряными и золотыми монетами, которые так весело звенели у ней на ходу.

Баймаган подолгу смотрел на нее с разинутым ртом или старался чем-нибудь услужить. Гордая красавица совсем не замечала Баймагана и только иногда любила посмеяться над ним, особенно когда тут же была Макен.

– Баймаган, скоро у тебя будет сто лошадей

и пятьсот рублей денег? – спрашивала Гольдзейн, толкая Макен локтем. – Смотри, мне, пожалуй, надоест ждать, и я как раз выйду за другого... У меня уж есть три жениха.

Гольдзейн весело смеялась, а у Баймагана замирало сердце от этого смеха, и он начинал ненавидеть Гольдзейн. И чем больше она смеялась над ним, тем больше он ее любил.

Проклятых сто лошадей бедный пастух часто видел во сне, а деньги даже искал у себя под изголовьем. Перестала бы Гольдзейн смеяться над ним, когда бы он принес Хайбибуле пятьсот рублей старыми серебряными монетами и выставил в поле свой собственный косяк лошадей... Всего сто лошадей и пятьсот рублей. Баймаган день и ночь стал думать, как добыть дорогой калым, похудел и ходил как в воду опущенный.

Хайбибула прежде сам был беден, и вся степь знает, откуда пришло его богатство: он сначала сам воровал лошадей по казачьей уральской линии, а потом стал только сбывать краденый скот.

– Это люди болтают из зависти, – говорил кривой Газиз. – Аллах все видит...

IV

Баймаган возненавидел Хайбибулу и за глаза бранил его самыми скверными словами. Тут доставалось и толстому брюху Хайбибулы, и его красному носу, и седой голове, которая думала о молоденьких девчонках. Когда в урочные часы старик выходил из коша на молитву, расстилал под ноги коврик и падал ниц, приложив раскрытые ладони к ушам, Баймаган испытывал глубокое чувство отвращения к этому старому ханже, который хочет обмануть самого аллаха.

– Кажется, я убил бы эту старую лисицу! – говорил Баймаган своему другу Урмугузу. – Его деньги нажиты кровью, он загубил двух первых жен, теперь губит третью и хочет жениться на четвертой, чтобы согреть свою старую волчью кровь молодой... О, как я ненавижу этого Хайбибулу!..

Хитрый старик заметил косые взгляды Баймагана и время от времени любил подшутить над ним. Бессильная злоба бедняка забавляла Хайбибулу.

Раз в праздник, когда в коше и перед ко-

шем сидели гости, Хайбибула сказал Баймагану:

– Баймаган, покажи гнедого иноходца гостям... Впрочем, у тебя заячье сердце, пусть приведет лошадь Урмугуз.

Это было сказано нарочно, чтобы подзадорить Баймагана и потешить гостей отчаянной скачкой. Гнедой иноходец был еще необъезженной лошадью и никого не пускал на себя. Обида засела глубоко в сердце Баймагана, и он захотел показать перед всеми, что ничего не боится и что Хайбибула напрасно его обижает.

Иноходца едва поймали на два волосяных аркана, подвели к кошу, и Баймаган птицей сел на спину дрожавшей от страха лошади.

– Смотри, упадешь!.. – крикнул вслед Хайбибула. Началась самая отчаянная скачка на необъезженной лошади, старавшейся сбить седока. А Баймаган видел только улыбавшееся лицо Гольдзейн, которая смотрела на него из коша вместе с гостями. Да, он приведет лошадь к кошу смирную, как овечку, или ему не видать Гольдзейн, как своих ушей.

Лошадь и человек боролись отчаянно

несколько часов. Баймаган уже чувствовал, что лошадь начинает уставать и скоро будет в его руках, как ребенок. Но в этот момент она сделала неожиданный прыжок в сторону, и Баймаган слетел на землю. Все это случилось в одну секунду, и бешеное животное с удвоенной силой понеслось в степь, стараясь освободиться от тащившегося на аркане наездника. Баймаган крепко держал веревку обеими руками и решил лучше умереть, чем выпустить лошадь.

Через полчаса иноходец прибежал один, а Баймагана нашли в степи без чувств. Он лежал весь избитый: голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами от лошадиных копыт.

Баймаган лежит в своем дырявом коше. За ним ухаживает старая Ужина, которая знает много хороших степных трав. Иногда в кош завертывает Макен и молча садится у входа. Больной никого не узнает и все бредит.

Ему ужасно тяжело и все кажется, что он скачет на проклятом иноходце. Лошадь бьет его задними ногами прямо в голову, и Баймаган страшно вскрикивает. Долго-долго носит его по степи взбесившийся иноходец, а когда он открывает глаза, то видит над собой дырявую кошму своего коша и слышит точно сквозь сон голос Ужины:

– Не шевелись, Баймаган... Будешь жив, если не будешь шевелиться. Все идет хорошо.

Баймаган старается лежать спокойно, хотя ему ужасно хочется приподнять голову – в коше кто-то тихо плачет, а кому плакать о нем, о круглом сироте? Ах, зачем он не умер там, в степи, где носил его иноходец!..

Потом Баймагану вдруг сделалось так легко и так хорошо, совсем хорошо. Он здоров. Нет, будет уж служить старой лисице Хай-

бибуле!.. Прощайте все: и кривой Газиз, и Урмугуз, и Макен, и Ужина... С Гольдзейн Баймаган не простился, потому что слишком ему было бы тяжело видеть ее насмешливую улыбку.

– Э, увидимся!.. – утешает самого себя Баймаган, направляясь в степь, где там и сям торчали киргизские коши, точно бритые татарские головы в тюбетейках. – Надо жить, как старая лисица Хайбибула...

Баймаган скоро нашел себе работу – он сделался отчаянным барантачом. По степи он отбивал овец у гуртовщиков, у казаков и русских угонял лошадей, и везде стали бояться одного его имени. Несколько раз он попадался, и его били прямо по голове, точно все знали, где у него самое больное место.

Через несколько лет такой работы у Баймагана был готов весь калым за Гольдзейн, и он орлом полетел к старому Хайбибуле.

– Вот твой калым... – объявил Баймаган, высыпая перед стариком старое серебро.

– Ты – умный человек, – задумчиво говорил Хайбибула, пересчитывая деньги. – Ну, Гольдзейн – твоя... такой красавицы до Семи-

палатинска не найти. Что же, твое счастье, а я очень рад. Макен тоже вышла замуж за Урмугуза, я и калым платил за него. Давай поцелуемся.

Рядом с кошем Хайбибулы вырос новый кош Баймагана. В последнем жилось очень весело. Гольдзейн по целым дням распевала свои песни, а Баймаган лежал на ковре и пил кумыс. Когда ему надоедало гулять одному, он посылал за Хайбибулой и угощал старика.

– Ты умный человек, Баймаган, – повторял каждый раз Хайбибула и улыбался старым, беззубым ртом. – Стар я стал... Вот и борода седая, и глаза слезятся, и зубы пропали. А когда-то я умел наживать деньги. Надо тебе показать все норы и лазейки, а мне пора отдохнуть.

И старая лисица Хайбибула учил Баймагана всяким плутням, называл всех своих знакомых и товарищей по ремеслу, а Баймаган слушал и удивлялся, что Хайбибула совсем не такой дурной человек, как он думал раньше. Даже очень хороший человек этот Хайбибула, если разобрать; а если он занимается воровством, так не он один грешен перед аллахом.

Когда Хайбибула выгнал старую Ужину и женился на четырнадцатилетней Аяш, доче-

ри Кошгильды, о которой давно говорил, и тогда Баймаган не обвинил старика. Хайбибула еще в силах, а Ужина едва волочит свои старые ноги. Так хочет аллах, если одно дерево цветет, а другое сохнет. Конечно, Аяш молода для такого беззубого старика, как Хайбибула, но старику уж немного осталось веселить свое сердце – пусть еще порадуется на конце своих дней.

Старая Ужина пришла к Баймагану и сказала:

– Муж меня прогнал, а я стара... Помнишь, как ты обещал приютить меня, если женишься на Гольдзейн?..

– Я этого не говорил, старая кляча!.. – закричал Баймаган. – Это все ты сама придумала...

Баймагану было совестно за свою ложь, и он еще сильнее рассердился.

– Не наше дело судить вас с отцом, – ответила матери Гольдзейн, потакавшая мужу. – Мы не желаем ни с кем ссориться, а живите себе, как знаете.

Ничего не сказала старая Ужина и ушла. Ее приютил в своем рваном коше Урмугуз.

– Мне уж заодно вас, стариков, кормить, – проговорил он, – вон Газиз живет, живи и ты.

Тесно было в коше Урмугуза, но Макен нашла уголок для старухи, совсем убитой горем. Это взбесило Баймагана.

– Вот нашлись богачи! – ругался он. – Всех полоумных старух да стариков не накормишь.

– Урмугуз, видно, богаче нас с тобой, – прибавила Гольдзейн. – Недаром он столько лет служил у отца, а теперь служит у тебя. Видно, ему выгодно, если может кормить чужих людей.

Баймаган сильно рассердился на Урмугуза, но до поры до времени затаил в своем сердце эту злобу. Урмугуз нарочно взял к себе Ужину, чтобы постоянно колоть ей глаза и ему, и Гольдзейн, и старому Хайбибуле.

– Урмугуз глуп, – шептала Гольдзейн, ласкаясь к мужу, – а это придумала Макен... О, это хитрая и злая женщина!

VII

Киргизская степь была так же хороша, как десять лет назад, так же весной она покрывалась цветами и ковылем, тот же играл по ней степной ветер, а зимой волком завывали снежные метели; голубое небо так же высоко поднималось над ней, так же паслись по ней косяки киргизских лошадей, а Гольдзейн позванивала своим серебром.

Хорошо жилось Баймагану. Всего у него было много, а когда надоедало сидеть дома, он уезжал куда-нибудь в гости. У богатых людей много хороших знакомых. Когда было лень ехать, Баймаган по целым дням лежал в коше и думал о разных разностях. Всего лучше ему делалось, когда он вспоминал про свое детство. Да, Баймаган вырос у старого Хайбибулы, как бездомная собачонка: спал под открытым небом и питался объедками вместе с хозяйскими собаками. Когда варили махан или салму, [Салма – лапша из конины; махал – жареное из жеребенка. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)] Баймаган только облизывался издали и был рад, если на его долю до-

ставалась обглоданная косточка, которую бросала ему добрая Ужина. Эти воспомина- ния делали настоящее еще приятнее, и Бай- маган нарочно приглашал Хайбибулу есть салму, чтобы вспомнить про старое.

Однажды, когда они вдвоем сидели около чугунного котла с салмой, старик хитро под- мигнул, указывая на дочь.

– Ты ничего не замечаешь, Баймаган? – прошамкал он.

– Нет, а что?..

– Я ничего, так... Будто Гольдзейн у тебя по- старела. Она будет вылитая Ужина. Вот уви- дишь... А Макен молодеет. Впрочем, на чужих жен нехорошо заглядываться... Я так сказал. Ну, прощай...

Эти слова глубоко запали в душу Баймага- на, хотя он старался о них совсем не думать. Раз он больно прибил Гольдзейн, и когда она стала плакать в своем углу, он занес было ру- ку с нагайкой, чтобы ударить ее по спине, но взглянул на ее заплаканное лицо, испуган- ные глаза – и рука с нагайкой бессильно опу- стилась сама собою: на него смотрела старая Ужина, а Гольдзейн, красавицы Гольдзейн,

больше не было.

Баймаган начал часто напиваться кумысом, бил жену и все ходил около коша, чтобы хоть издали посмотреть на Макен. Урмугуза он нарочно посылал в дальние киргизские стойбища с разными поручениями, чтобы не стыдно было заходить в его старый кош под разными предлогами.

Макен стала прятаться от Баймагана, а это еще больше разжигало в нем кровь. Чтобы показать ей свою любовь, Баймаган не упускал случая на ее глазах бить Гольдзейн по чему попало, а потом отнял у жены все украшения и спрятал их в свой сундук. Кривого Гази-за он поил самым хорошим кумысом и называл дядей. А Гольдзейн от побоев и слез делалась все больше похожей на свою мать, и Баймаган старался не смотреть на нее.

«Надо избыть Урмугуза, а потом я женюсь на Макен, когда она останется вдовой, – подумал Баймаган. – Гольдзейн пусть служит ей, как раба...»

VIII

Урмугуза не стало. Много так пропадает в степи. Чужие люди обвиняли Баймагана, что он подослал убийц к своему работнику, а сам женился на его вдове.

А Баймаган ничего не хочет знать, что говорят про него люди. Он по целым дням лежит на ковре вместе с Макен, а Гольдзейн прислуживает им, старая некрасивая Гольдзейн. Но Макен такая печальная, и Баймагана тянет выйти из коша; рядом в коше старого Хайбибулы каждый раз на шум его шагов отодвигается край ковра, которым прикрыт вход, и оттуда смотрят прямо в душу Баймагана два темных глаза, а из-за белых зубов сыплется беззаботный детский смех. Это молодая Аяш смотрит на Баймагана, и у него темнеет в глазах.

«Обманул меня Хайбибула, – думает он. – Макен все думает о своем Урмугузе... Ей скучно со мной».

Не спится по ночам Баймагану, а вместе с ночным холодом ползет к нему в кош ласковый девичий шепот, – о, он знает этот голос,

который хватает его прямо за сердце! Нужно было отправить на тот свет не Урмугуза, а старую лисицу Хайбибулу: Будет ему грешить, а Аяш еще молода.

Темнее ночи ходит Баймаган и все думает о старике Хайбибуле, – может быть, старая лисица сам догадается умереть.

Отточил острый нож Баймаган и ночью, как змея, заполз с ним в кош Хайбибулы. Вот уж он слышит ровное дыхание спящей Аяш, а рядом с ней на постели, под шелковым бухарским одеялом, храпит Хайбибула. Баймаган подполз к изголовью и замахнулся, чтобы ударить Хайбибулу прямо в сердце, – он пригляделся к темноте и теперь хорошо различал спавших, – но, заглянув в лицо старику, Баймаган остолбенел: это лицо смеялось своим беззубым ртом, а старческие слезившиеся глаза смотрели на него в упор.

– Ну, чего ты испугался?.. – шепчет Хайбибула, а сам все смеется и смотрит на него. – Делай то, за чем пришел...

Страшная ярость закипела в груди Баймагана, хочет он поднять руку с ножом, но у него нет больше силы, – рука висит, как

плеть.

– Убил Урмугуза, убивай и меня, – шепчет Хайбибула. – Аяш моложе твоих жен... Ты умный человек, Баймаган. Ха-ха-ха...

Эти слова ударили Баймагана прямо в голову, и он почувствовал, как на его голове открываются старые раны от лошадиных копыт и как он сам начинает весь леденеть. Жизнь быстро выходит из него вместе с горячей кровью, а старый Хайбибула делался все дальше и дальше, и только далеко-далеко, точно из-под земли, доносился его страшный дребезжащий смех и тот же шепот:

– О, ты умный человек, Баймаган!..

Баймаган крикнул, объятый ужасом, и сам испугался своего голоса, точно это кричал не он, а какой-то другой голос.

– Тише, тише... не шевелись, Баймаган, – шептал над ним голос старой Ужины, чьи-то руки удерживали его голову.

IX

— Так это был сон?.. – спрашивал Баймаган, когда пришел в себя и увидел, что по-прежнему лежит в своем дырявом коше, а около него сидит старая Ужина и уговаривает его, как ребенка.

– Ты сорвал повязки с головы и чуть не истек кровью... – шептала ласково старуха. – Отчего ты так страшно крикнул?..

– Не спрашивай... после расскажу. Я дурной человек... я хуже всех других, Ужина.

Баймаган поправился, но сделался таким задумчивым и печальным, что никто не узнавал в нем прежнего молодца.

– О чем ты думаешь, Баймаган? – спрашивала его Макен.

– Дорогая Макен, прежде я думал всегда о себе, – отвечал ей Баймаган, – думал, как бы мне устроиться лучше других. А теперь мне жаль всех людей, потому что я все вижу и все понимаю... Да, понимаю все и понимаю то великое зло, какое сидит в каждом человеке и обманывает всех. Мне иногда делается страш-

но за то зло, которое и в нас и вокруг нас. Я был глуп и ничего не понимал, но за одно доброе слово, которое я сказал несчастной старухе, аллах показал мне мою собственную душу.

Через год Баймаган женился на Макен.